

С.О. ШМИДТ

После
75

Работы 1997–2001 годов

Москва
2012

Тема «Пушкин и архивы» многоаспектна: архивы в жизни и творчестве Пушкина, пушкиниана в истории архивов; пушкиноведческая тематика и архивная наука – два взаимосвязанных комплекса проблем.

Архивы в жизни и творчестве Пушкина – это и представление Пушкина об архивах и архивистах: архивы как хранилища исторических документов; и средоточие работы по выявлению, описанию, изданию, изучению письменных исторических источников; и работа самого Пушкина в архивах при подготовке трудов по истории времени Петра Великого и восстания под предводительством Пугачева; и обращение к документам прошлого в связи с современной служебной документацией как чиновника Коллегии иностранных дел; и взаимоотношения Пушкина с чиновниками архивов, и особенно – с причастными к деятельности Московского архива Коллегии иностранных дел (МАКИД) «архивными юношами», с учеными, изучающими архивные материалы; и понимание Пушкиным историко-культурного значения архивной документации.

Пушкиниана в истории архивов – это и собирание, выявление, изучение, публикация документальных памятников, помогающих познанию жизни и творчества Пушкина, а также и истории пушкиноведения, которое стало заметной сферой культуры на стыке наук (нескольких гуманитарных наук и их специальных дисциплин), литературы, искусств, книжного дела; это и значение такого рода многообразной деятельности сотрудников архивохранилищ (т. е. собственно архивов, музеев, рукописных отделов библиотек, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений) и пользователей их материалов для развития не только пушкиноведения, но и архивного дела, археографической культуры, изучения истории архивов.

Некоторые из отмеченных аспектов привлекли уже серьезное внимание и основательно изучены, прежде всего наиважнейший из них – работа самого Пушкина в архивах, изучение и использование им архивных документов. Это – предмет и монографических исследований (особенно Г.П. Блоком, И.Л. Фейн-

Впервые опубли.: Пушкин и архивы // Пушкинские материалы в архивах России: Материалы науч.-практ. конф., 16 февраля 1999 г. М., 1999. С. 74–82.

бергом и Р.В. Овчинниковым). Все больше трудов об отношениях Пушкина и «архивных юношей», о контактах Пушкина с историками, изучавшими архивные материалы в научных целях, о соображениях Пушкина в связи с введением в научный оборот новых материалов или, напротив, о сожалении по поводу гибели важных для истории документальных свидетельств. Огромная работа проведена по выявлению автографов Пушкина и данных об их судьбе, местонахождении. Постоянно обнаруживаются новые архивные материалы, используемые при изучении жизни и творчества Пушкина, а также истории пушкиноведения. Гораздо менее освещенной остается проблема «Пушкинская тема в развитии архивной мысли».

Вне сомнений то, что следует подготовить серьезный обзор литературы по теме «Пушкин и архивы». Но задача данной статьи – постановка вопросов, относящихся прежде всего к недостаточно еще изученным аспектам этой проблематики с целью вызвать больший интерес к конкретным исследованиям подобной направленности.

Понятие об употреблении Пушкиным слова «архив» и производных от него получаем, ознакомившись со «Словарем языка Пушкина»¹.

Пушкин мог с ранних лет усвоить представление об архиве не только как о хранилище исторических документов, но и как об учреждении, где служат знакомые и родственники. С детства у Пушкина сложилось понимание того, что ценные исторические документы хранятся и в личных архивах: в аристократической среде, к которой Пушкин принадлежал по рождению и воспитанию, высоко ценили письменные свидетельства старинного родословия и роли предков в заметных исторических событиях. Осведомлен был Пушкин и о том, что в архивы приходится обращаться для выявления недавней и оформления современной документации (к документам о границах и размерах земельных владений, праве наследования и пр.).

После запрещения Павлом I зачисления на службу с раннего детства в гвардейские полки юных аристократов стали записывать на службу в МАКИД, где они не получали жалованья, но поднимались по лестнице чинов. Там были гнездовья аристократических отпрысков (это ярко и саркастически описано в мемуарах Ф.Ф. Вигеля и теперь детально изучено С.Р. Долговой и

особенно С.В. Чирковым)². Туда пытались устраивать и тех достигших совершеннолетия аристократов, которые не имели намерения становиться офицерами. (Об этом есть упоминание в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: в МАКИД устроил было своего сына Николая граф Ростов, но юноша предпочел, следуя примеру своего друга Б. Друбецкого, военную службу.). О такого рода молодых служащих МАКИД напомнил и Пушкин в неоконченной повести «Рославлев», изображающей события кануна войны 1812 г.: брат дамы, от лица которой ведется рассказ, «двадцатидвухлетний малый», по ее словам, из «сословия тогдашних франтов», «считался в Иностранной коллегии и жил в Москве, танцуя и повесничая»³. МАКИД и его служащие, разговоры об этом – среди ранних впечатлений московской жизни Пушкина: там ранее служил переводчиком М.М. Сонцов, ставший мужем его тетки Елизаветы; лица круга его дяди Василия Львовича тоже начинали службу в МАКИД. Семья Пушкиных имела близкое знакомство с семьей Малиновских, а А.Ф. Малиновский был одним из руководителей МАКИД, затем его начальником. (Супруга его будет на свадьбе Пушкиных посаженной матерью со стороны невесты.) Брат его, видный дипломат и литератор В.Ф. Малиновский, – первый директор Царскосельского лицея, в семье которого лицеисты проводили немало времени (тем более что сын директора Иван тоже был лицеистом пушкинского курса). Сыном чиновника архива был и другой лицейский товарищ Пушкина – М.Л. Яковлев, в 1830-е годы «староста лицейский», хранитель архива лицейской жизни; у него на дому праздновались лицейские годовщины.

Еще в лицейские годы Пушкин сблизился с участниками кружка «Арзамас», введшими его в «большую литературу» и в круг виднейших тогда литераторов; многие из «арзамасцев» в юные годы числились по МАКИД: братья А.И. и Н.И. Тургеневы, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, Ф.Ф. Вигель, С.П. Жихарев, даже генерал М.Ф. Орлов. В МАКИД началась служебная карьера и гусара, героя войны П.П. Каверина, которым Пушкин восхищался в конце 1810-х годов. Пушкин убеждается в том, какие это высокообразованные люди и как часто мысль их обращается к явлениям и древней, и недавней российской истории. Когда вышли сразу первые восемь томов труда Н.М. Карамзина «История государства Российского», люди круга Пушкина высоко оценили огромное значение «Примечаний». Пушкин писал позднее: «Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылается

на источники – чего же более требовать было от него? Повторяю, что “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека»⁴. Значительная часть примечаний – либо цитаты из архивных источников, либо указания на них.

Думается, что лишь тогда Пушкин смог по-настоящему оценить научные труды А.Ф. Малиновского⁵, его сотрудников и «ученой дружины» (Н.П. Румянцева)⁶, собиравшей и изучавшей рукописи. Тем более что уважение к МАКИД стремился воспитать в общественном мнении и Карамзин: в «Записке о московских достопамятностях», составленной в 1817 г. «для некоторой Особы, ехавшей в Москву» (т. е. для персоны императорской фамилии), читаем: «...говоря о Москве, забудет ли историограф то место, где собраны все наши государственные хартии пяти веков, от XIII до XVIII? Архив Коллегии иностранных дел есть один из богатейших в Европе. Его начальники, от незабвенного Миллера до А.Ф. Малиновского, с величайшею ревностью, с неописанным трудом привели все бумаги в наилучший порядок, коему удивлялся император Иосиф, сказав: “Я прислал бы сюда наших венских архивистов”»⁷.

Осенью 1826 г., очутившись снова в Москве, возвращенный из ссылки Пушкин сближается с участниками философско-литературного кружка «Общество любомудрия». Большинство из этих молодых людей – служащие МАКИД, как и С.А. Соболевский, в квартире которого он поселился. Именно для их характеристики Пушкин употребляет в «Евгении Онегине» придуманное острословом Соболевским выражение «архивны юноши» (это понятие относится только к ним, а не вообще ко всем отпрыскам московской аристократии, причастным к службе в МАКИД, со злобою и завистью изображенным тогда же Булгариным в романе «Иван Выжигин»)⁸. О таких философствующих эрудитах Пушкин писал (правда, не без иронии) и в прозаических набросках, изображавших события уже конца 1820-х годов: «Эти люди одарены убийственной памятью, все знают и все читали, и стоит их только тронуть пальцем, чтобы из них полилась всемирная ученость»⁹. Эти слова, как установлено, относятся к В.П. Титову, в 1823–1828 гг. чиновнику МАКИД, впоследствии видному дипломату и председателю императорской Археографической комиссии¹⁰.

Для Пушкина 1820–1830-х годов архивы – это воплощенные истории. Характеризуя значение появления в XVIII в.

«философов-историков» (именно так называл себя Карамзин), Пушкин находит показательную формулировку: «Вольтер первый пошел по новой дороге и внес светильник философии в темные *архивы истории*» (курсив мой. – С. III.)¹¹. Архивы в понимании Пушкина не только государственные хранилища исторических источников, но и письменные документы личных архивов («архивы роя», «разобрал всю родословную героя»)¹².

Можно утверждать, что Пушкин быстро обретал навыки работы с архивными документами. Быть может, помогало и то, что в программу обучения лицейцев входило ознакомление с документами современного делопроизводства тех лет. В 1816 г. директору лицея (тогда уже Е.А. Энгельгардту, сменившему скончавшегося В.Ф. Малиновского) разрешили, по его просьбе, выдать «дипломатические бумаги старых лет для приучения воспитанников к составлению из оных выписок».

Архивная документация оплодотворяла и его литературное творчество, находила отражение в художественных произведениях: самые очевидные и широко известные примеры – «История Пугачева» и «Капитанская дочка». И показательное то, что сочинение, опубликованное под заглавием «История Пугачевского бунта» в 1834 г., имело две части, из которых вторую составили приложения – документы, извлеченные из архивов.

Известны высказывания Пушкина о ценности неопубликованных документов, особенно если они связаны с выдающимися событиями и знаменитыми людьми. Наиболее часто обращаются к словам из статьи «Вольтер»: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертывавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения – предмет наших изучений и восторгов»¹³.

Пушкин понимал значение мемуаров, сетовал, если узнавал об их гибели. В дневниковой записи от декабря 1833 г. – сожаление об утрате мемуаров российских императриц: «Государыня (т. е. супруга Николая I Александра Федоровна. – С. III.) пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алекс[еевна] писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Фед[оровна] также. – Государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елис[авета] хотела завещать свои Записки Карам-

зину (слыш[ал] от Кат[ерины] Андр[еевны] (супруги Н.М. Карамзина. – С. III.)»¹⁴. Пушкин прилагал много усилий к тому, чтобы опубликовать карамзинскую «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», и счел необходимым назвать в статье «О Татищеве» и те его сочинения, которые «пропали, но важны по предметам своим». (Правда, принадлежность Пушкину этой статьи, известной лишь в писарской копии, не доказана, но ее включают в издания пушкинских сочинений.) Небезлюбопытны в плане архивно-источниковедческой тематики и замечания Пушкина об обычае оставлять записи (в «Истории села Горюхина») на календарях и вообще на документации, отражающей повседневный обиход.

Пушкин побуждал к написанию воспоминаний друга своего П.В. Нащокина, продиктовав ему в 1830 г. начало этих «Записок»; в 1836 г. он подарил актеру М.С. Щепкину тетрадь для будущих «Записок» и вписал в нее начальные строки, чтобы тем заставить Щепкина продолжать их¹⁵. Пушкин неумоимо расспрашивал стариков, причастных к придворной жизни XVIII в., о событиях тех лет, о дворцовых переворотах (и дочь княгини Е.Р. Дашковой в Москве, и старуху Н.К. Загряжскую – дочь графа К.Г. Разумовского в Петербурге) и старался сохранить память об этом в своем дневнике или в «Table-talk».

Вероятно, не только на печатное слово, но и на «изустные предания», а возможно, и архивные разыскания опирался Пушкин, напоминая о событиях прошлого столетия в беседах на дипломатических раутах. Так, незадолго до гибели Пушкина, 6 января 1837 г., был «восхитительный вечер» у австрийского посла Фикельмона (жена его – внучка полководца Кутузова), о котором сообщает в письме А.И. Тургенев: «Там образовался маленький кружок, состоявший из послов Франции и Пруссии, Пушкина, П.А. Вяземского и автора письма. Разговор был разнообразный, блестящий и полный большого интереса... Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты из жизни Петра I, Екатерины...»¹⁶. Записывал в свой дневник Пушкин и рассказанное иностранными дипломатами: там и запись испанского посланника – свидетеля переворота Наполеона Бонапарта 18 брюмера. Дневниковые записи можно рассматривать как заготовки для мемуаров. В беседе с А.Н. Вульфом в 1827 г. Пушкин говорил о своем намерении написать историю не только времени Петра I, но и совсем недавнего, причем «Александрову – пером Курбского», т. е. в духе его «Истории о великом князе Московском», и утверждал: «Непременно должно

описывать современные происшествия, чтобы могли на нас со- слаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря»¹⁷. Стремился Пушкин и «организовать» источни- ки – записать то, что помнили современники Пугачева; старался встретиться с ними во время поездки в Оренбургский край, рас- спросить их родственников, знакомых (сохранились записанные Пушкиным устные рассказы, предания, песни). Таким образом, Пушкин оказывается среди предтеч тех, кто обосновывал важное значение «устной истории».

Эти наблюдения в сопоставлении с другими данными по- зволяют признать тему «Пушкин и архивная мысль» имеющей самостоятельный исследовательский интерес.

То же, думается, можно утверждать и о теме «Пушкиниана в истории архивов». Установлено, что среди русской литерату- ры, посвященной великим русским писателям, пушкиниана – самая обильная и самая многообразная по проблематике. Зна- чительная часть ее основывается на архивных материалах или является публикацией архивных документов. И именно обра- щение к изучению жизни и творчества Пушкина продемонстри- ровало новые возможности использования и сопоставительного изучения документов и из центральных, и из местных архивов, их фондов и учреждений, и общественных объединений, из лич- ных архивов, ставших личными фондами государственных хра- нилищ и находящихся в частном владении. А желание сохранить память о Пушкине побудило П.И. Бартенева еще полтора сто- летия назад выработать систему организации воспоминаний – он сам и записывал воспоминания о Пушкине или обращался с просьбой написать такие воспоминания и публиковал эти мате- риалы, прежде всего в основанном им журнале «Русский архив». Но не все и не полностью, а только то, что казалось ему «прав- дою», иногда давал на просмотр близкому знакомому Пушкина С.А. Соболевскому, знатоку исторических источников той поры М.Н. Лонгинову. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым» изданы в 1925 г. М.А. Цявловским. Материалы эти использованы в составленной А.М. Гординым книге «П.И. Бартенева. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников», изданной в 1992 г. Книгу предваряет статья «П.И. Бартенева – биограф Пушкина». Об этой деятельности Бартенева много подробностей в главе «Старейший из русских пушкиноведов» в книге А.Д. Зайцева «Петр Иванович Барте- нев», вышедшей в 1989 г. Труд Зайцева переиздается в выходя-

щей в 2000 г. книге избранных работ скончавшегося в 1997 г. историка*.

Применительно к освоению творческого наследия Пушкина огромное значение архивных материалов для обогащения нашей культуры особенно очевидно – большой массив сочиненного Пушкиным оставался не только ненапечатанным, но и неизвестным даже близким ему людям. Среди не опубликованного при жизни и ранние вольнолюбивые стихи, и стихи самого последнего периода, и такие объемные произведения, как «Медный всадник» и «Дубровский», не говоря уже о множестве фрагментов незавершенных сочинений, записей для себя. Естественно, что неопубликованными оставались и все автографы Пушкина, так сказать, делового назначения.

И лишь по прошествии 50 лет со дня кончины, когда стало возможным обратиться ко всему письменному его наследию, выяснилось, какого грандиозного масштаба и мыслителем, и моралистом, и политологом был Пушкин, и хотя он и величайший русский поэт, только поэтом называть его несправедливо. Многообразием литературных жанров и тематики, вызывавшей его интерес, Пушкин не уступал первому писателю России предшествовавшего периода Карамзину. Обращение к архивным материалам, прежде всего к написанному рукой самого Пушкина, позволило восстановить искаженное при печатании цензурой (и автоцензурой тоже). Все это обусловило возможность начала работы над действительно полным академического типа собранием сочинений Пушкина.

Подготовка изданий сочинений Пушкина, обращение к его творческой лаборатории стали школой формирования отечественной текстологии и выработки системы комментариев – языковедческих, литературоведческих, исторических. А изданный в канун Пушкинского юбилея в 1935 г. пробный том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина – том седьмой «Драматические сочинения» – можно признать эталоном археографической культуры второй четверти XX в. Том этот, увы, вызвал неудовольствие Сталина, и последующие тома выходили лишь с краткими текстологическими комментариями¹⁸. В архивных фондах (и Пушкинского Дома, и издательства, и в личных фондах пушкинистов) имеются ценные материалы о подготовке еще нескольких томов

* См.: «Ты, солнце святое, гори!»: Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове. М.: Москвоведение; Московские учебники и картолитография, 2000.

по такому образцу. Некоторые из них опубликованы в книге избранных трудов М.А. Цявловского в 1962 г. Кархиву академического издания сочинений Пушкина за 1930-е годы обращаются и при подготовке современного Полного собрания сочинений, приуроченного уже к 200-летию со дня рождения Пушкина. Очень интересны и в то же время слабо изучены материалы личных архивов пушкинистов тех лет: там и соображения (с обоснованием или предварительного порядка) оригинального характера о творчестве Пушкина, о его биографии и о лицах его окружения, об источниках (мемуарах, публицистических, художественных, научных сочинениях, актах государственной власти), важных для познания пушкинской эпохи. (Некоторые из такого рода архивных документов использованы и в моей статье («Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского “Бориса Годунова”»)¹⁹. Немало дает обращение к наследию Ю.Г. Оксмана.

Вероятно, нет в истории русских гуманитарных наук другого примера такого сближения наук филологических и исторических. И дело не только в том, что и историки много писали о Пушкине (от В.О. Ключевского до Н.Я. Эйдельмана и наших современников). Литературоведы, комментируя сочинения Пушкина, изучая его биографию, неизменно обращались к методике работы историков и существенно обогащали ее (самый известный, пожалуй, и блистательный пример – труды Ю.М. Лотмана).

Пушкинская тема имела (пока еще недостаточно оцененное) значение и собственно для исторической науки. Вследствие этого не замирала такая научная дисциплина, как генеалогия (хотя при другой тематике штудии о генеалогии дворянства XVIII–XIX вв. признавались в лучшем случае неактуальными). Выявлялись и систематизировались данные по истории аристократии первой трети XIX в., и не только той ее части, которая придерживалась свободолобивых воззрений (декабристы и так называемые «декабристы без декабря»). Об аристократах – современниках графа (Л.Н. Толстого) при многообразной литературе, ему посвященной, мы знаем гораздо меньше, чем о современниках Пушкина и Лермонтова. Так как эти великие писатели жили в среде аристократии, а Л. Толстой, хотя и изображал повседневный обиход жизни петербургской и московской аристократии (и не только в «Воине и мире» о начале XIX в. по историческим преданиям и печатным материалам, но и о современной ему – в «Анне Карениной» и «Воскресении»), но жил в имении, и лица эти не принадлежали к тем, которые могли бы заинтересовать биографа великого писате-

ля. А.А. Ахматова глубоко права, утверждая, что лишь благодаря Пушкину такие сановные и богатые люди, перед многими из которых трепетали современники, остались в истории; сейчас они интересны нам прежде всего их взаимоотношениями с Пушкиным, униженным тогда, по сравнению с ними, камер-юнкерским званием не по возрасту. (Напомним, что за камер-юнкера тогда приняли двадцатитрехлетнего Чацкого из «Горе от ума».) А «рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там проявляется магическое слово “Пушкин”»²⁰.

Это позволило сохранять и изучать и произведения изобразительного искусства (в частности, портретные миниатюры и акварели), совершенствовать искусство атрибутирования предметов повседневного барского обихода. Как много дает для изучения этого мира аристократии недавно изданный «Итинерарий» знакомых Пушкина, подготовленный М.А. и Т.Г. Цявловскими²¹, книга Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение», многочисленные исследования и популярные очерки о знакомствах Пушкина! Это удерживало и уважительный интерес к собиранию и изучению рукописных альбомов, домашних зарисовок той эпохи.

Несомненно очень велико значение личных фондов пушкинистов. Без обращения к ним нельзя написать историю пушкиноведения и определить его место в развитии науки, в сохранении науки, в сохранении культурных традиций. И очень отраднo, что все больше стали издавать не опубликованные при жизни труды пушкинистов: началось издание картотеки «Материалов к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» за 1826–1837 гг. – незавершенного коллективного труда, начатого по инициативе М.А. Цявловского и под его руководством. На очереди издание других неопубликованных трудов Цявловского. Готовится издание трудов Г.О. Винокура. Много важного для пушкиноведов и в переписке, дневниковых записях, документах издательского делопроизводства, в архивах, где отложились протоколы научных и редакционных заседаний. Именно такие документы показывают руководящую организационную роль Л.Б. Каменева в подготовке юбилея и особенно юбилейных изданий²². Он, даже арестованный после убийства С.М. Кирова, но первоначально сосланный в Сибирь, работал в 1935 г. над жизнеописанием Пушкина. Полезно было бы подготовить книгу «Обзор архивного наследия пушкинистов».

А каким кладезем являются архивы для узнавания того, кем был Пушкин для россиян – и для его младших современ-

ников, и для последующих поколений, вплоть до наших дней! Здесь обнаруживаем написанное не для публикации, иногда предназначенное лишь самым близким людям, запечатленное в дневнике.

Из письма художника В.Д. Поленова сестре узнаем, каким светлым для него был Пушкинский праздник в Москве в июне 1880 г.: «Праздник был такой возвышенный, примирительный и вместе глубоко гражданский, что нельзя было не порадоваться», а из письма Ф.М. Достоевского жене сразу после произнесения им знаменитой речи – об экзальтации публики, вызванной этим выступлением²³. Из дневника студента С.И. Вавилова (будущего академика-физика и президента Академии наук) о его преклонении перед Пушкиным: «Пушкину я верю, Пушкина я люблю... его фразы стали законом», о посещении им Святых гор, Михайловского, Тригорского²⁴. Показательно признание выдающегося историка академика М.М. Богословского. У него были дружеские отношения с академиком С.Ф. Платоновым, он останавливался в его квартире, приезжая в Петроград (так же как Платонов в московской квартире Богословского). 3 марта 1924 г. он пишет Платонову из Москвы: «С каждым годом жизни все более и более люблю Пушкина и все Пушкинское. Отдыхая у Вас, с величайшим наслаждением перечитал некоторые его стихи, находя в них все новые и новые красоты, прежде незамеченные, потому ли, что их пропускаешь случайно, или потому, что для каждого возраста в нем открываются свои красоты, незаметные для возраста более молодого»²⁵. Или написанное замечательным московским школьным учителем словесности (И.И. Зеленцовым) завещательное письмо с просьбой прочитать у его гроба «Вакхическую песню» Пушкина и посвященное памяти Пушкина стихотворение А.В. Кольцова «Лес». Подготовленный учениками и издаваемый к 50-летию со дня его кончины сборник имеет заголовок: «Ты, солнце святое, гори. Книга о московском учителе словесности Иване Ивановиче Зеленцове», а эпитафией сборника выбрали фразу из его письма девятикласснице: «Пусть солнце Пушкина осветит твой жизненный путь!»* Выявление подобных свидетельств – одна из задач архивистов.

* См.: *Зайцев А.Д.* Петр Иванович Бартенев и журнал «Русский архив». М.: Московские учебники и картолитография, 2001. Гл. III на с. 67–79; о Пушкине и на других страницах (см. «Именной указатель»).

Плодотворные творческие взаимовлияния и воздействия архивной науки и пушкиноведения очевидны. Знания такого рода обогащают наши представления и о проблеме «Архивы в культуре России».

¹ Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 50.

² Чирков С.В. Хохловский переулоч, 7 // У Покровских ворот. М., 1997. Гл. «Дедушка русских архивов»; Долгова С.Р. Архивны юноши // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 214–228.

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1978. Т. VI. С. 132.

⁴ Там же. Т. VIII. С. 50.

⁵ Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский. Обзорение Москвы / Сост. С.Р. Долгова. М., 1992. С. 176–229.

⁶ См.: Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

⁷ Карамзин Н.М. Записки о московских достопамятностях // Наше наследие. 1991. № 6. С. 43. Подг. к печ. В.Ю. Афиани.

⁸ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980. С. 332–333.

⁹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. VI. С. 549.

¹⁰ Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 435–436.

¹¹ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. X. С. 76.

¹² Там же. Т. IV. С. 248.

¹³ Там же. Т. IV. С. 280–281.

¹⁴ Пушкин А.С. Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 30.

¹⁵ Черейский Л.А. Указ. соч. С. 286, 507.

¹⁶ Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / Сост. В.В. Кунин. М., 1988. С. 406.

¹⁷ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. I. СПб., 1988. С. 423.

¹⁸ Бонди С.М. Об академическом издании сочинений Пушкина // Вопросы литературы. 1963. № 2.

¹⁹ Новое литературное обозрение. 1997. № 3. С. 65–77. Переиздано в кн.: Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999. С. 6–35.

²⁰ Ахматова А.А. О Пушкине. Статьи и заметки. Л., 1977. С. 6.

²¹ Материалы к летописи жизни и творчества А.С. Пушкина. 1826–1837. Картотеки М.А. и Т.Г. Цявловских. Т. 1. Картотека итинерариев

лиц ближайшего пушкинского окружения. М., 1998. Эту первую книгу трехтомного издания предваряют статьи С.О. Шмидта «Классика отечественной археографии», Н.И. Михайловой «Пушкинисты Мстислав Александрович и Татьяна Григорьевна Цявловские»; Е.В. Гарбер «Судьба незавершенного труда: работа М.А. и Т.Г. Цявловских над “Летописью жизни и творчества А.С. Пушкина”».

²² См. об этом в вышедшей позднее статье: *Крылов В.В.* Л.Б. Каменев – директор Пушкинского Дома (Штрихи к портрету) // Источниковедение и краеведение в культуре России. Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 447–450.

²³ Цит. по: *Шмидт С.О.* Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 366, 372.

²⁴ *Шмидт С.О.* Арбат в истории и культуре России // Арбатский архив: Историко-краеведческий альманах. М., 1997. Вып. I. С. 108.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2324. Л. 6 об.